

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Толки о самобытности и исторической постепенности. - По поводу занятій земских сведущих людей. - Постановление полтавскаго земства. - Шестой отчет комитета о ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. - Новый заемъ и слухи о новыхъ правительственныхъ мероприятіяхъ. - Речь г. Г. Градовскаго при открытіи памятника Некрасову.

Въ последнее время въ русской печати особенно часто раздаются голоса, защищающіе и нашу народную самобытность, и необходимость исторической последовательности въ преобразованіяхъ общественнаго строя. Намъ нетъ надобности заявлять о томъ, что мы глубоко веруемъ въ духовную мочь русскаго народа, въ его великое историческое будущее, въ его самобытность; но въ особой защите последняя, по нашему мненію, не нуждается, ибо великій историческій народъ непременно будетъ самобытенъ. Если оживленіе торговаго обмена, усиленіе взаимной связи, экономической и духовной, разрушаетъ старые предрассудки и устанавливаетъ значительное единообразіе въ учрежденіяхъ и нравахъ просвещенныхъ народовъ; то, съ другой стороны, творческой самобытности каждаго племени открывается при этомъ более широкій просторъ. Именно тогда и можетъ обнаружить историческій народъ всю свою духовную мочь, когда онъ усвоитъ себе общія основы правильной государственной жизни. Только на этой почве могутъ развернуться его силы, вполне обнаружится его действительная самобытность. Въ самомъ деле, самобытенъ Китай, самобытна и Англія. Но при столкновеніи съ новыми требованіями жизни, съ новыми, более просвещенными, народами быстро обнаруживается духовная немощь перваго и великая сила последней. Выработать себе известныя формы общественныхъ и домашнихъ отношеній и застыть, окаменеть въ этихъ формахъ, конечно, оригинально, самобытно; но такая самобытность, какъ всякому понятно, есть отрицаніе дальнѣйшаго развитія, есть залогъ неминуемой смерти, более или менее скорое наступленіе которой будетъ уже зависеть отъ случайныхъ причинъ. Только непрерывно усваяя себе все лучшее, достигнутое другими народами, и перерабатывая его самостоятельно, можно не отстать отъ историческаго движенія, не потерять значенія въ міровомъ развитіи. Искусственно или, во всякомъ случае, довольно произвольно, по личной оценке, заявляя о необходимости поставить преграду естественному развитію народной жизни, самые проникательные, самые глубокіе знатоки этой жизни могутъ сделать не мало крупныхъ ошибокъ. Необходимо поэтому, чтобы рамки общественной жизни не стесняли свободнаго выраженія общественныхъ потребностей.

Правда, не далеко то время, когда наши высшія сословія стыдились всего русскаго, когда даже русская речь строго изгонялась изъ великосветскихъ гостиныхъ. Тогда горячіе протесты противъ холопскаго преклоненія передъ темъ, что было въ западно-европейской цивилизаціи внешняго и мишурнаго, имели большое значеніе и были признакомъ пробудившагося общественнаго самосознанія. Чацкій могъ восклицать:

"Какъ съ раннихъ поръ привыкли верить мы,
Что намъ безъ немцевъ нетъ спасенья!"

Позднее, слабая числомъ и воспитавшаяся въ западно - европейской науке, въ западно-европейской философіи и искусстве, русская *интеллигенція* подчинилась этой науке, философіи и искусству. Кто спорить, въ подобномъ подчиненіи было не мало сметнаго и кое-что вредное. Но иначе и быть не могло, ибо мы сильно отстали, съ самобытностію государства Московскаго, отъ другихъ народовъ. Легко сказать, что не следовало подчиняться иностраннымъ идеямъ; но ведь идеямъ противопоставляются только идеи, и противъ односторонности въ духовномъ развитіи нельзя выступать налегке, безъ запаса наблюденій и размышленій. А такого запаса въ до-Петровской Руси едва хватало на борьбу за насущный хлебъ, на серую, однообразную и полную всяческихъ лишеній жизнь.

Криками о самобытности, напускнымъ презреніемъ къ европейской цивилизаціи невозможно скрыть ея превосходства, во многихъ отношеніяхъ, надъ нашимъ общественнымъ развитіемъ. Каждая строка въ сочиненіяхъ и статьяхъ людей, стоящихъ на такой точке зренія, если люди эти отличаются умомъ и дарованіями, ярко отражаетъ могучее вліяніе этой

европейской культуры. И до каких жалких размеров низводят некоторые нашу национальную самобытность!...

В настоящее время отношение русской интеллигенции к Западной Европе сильно изменилось. Математическая и естественная науки получили у нас довольно значительное развитие, и, вместо подчинения Европе, мы оказываем ей уже заметное содействие, обнаруживаем действительную самостоятельность в некоторых областях духовной жизни. В вопросах общественных дел, куда, шло хуже. Мы быстро заимствовали у буржуазного, лже-либерального Запада акционерные компании, банки и другие учреждения, с помощью которых удесятерится сила капитала и закабалится народный труд. Но против заимствования всех подобных учреждений почти не протестуют люди, которых приводит в ужас другая форма западноевропейской жизни. А между тем трудно определить размер того зла, который наносится банками и акционерными компаниями народному благосостоянию в России. Мы уже неоднократно указывали на страницах *Русской Мысли*, какие вопиющие злоупотребления происходят, например, на русских железных дорогах. Злоупотребления наших банков и страшные барыши, которые они пожирают там, где не сеяли, также давно и хорошо известны. Вот в этом отношении мы являемся горячими противниками системы, господствовавшей на Западе, но теперь падающей и там. И железные дороги, и банки должны быть, по нашему мнению, делом исключительно государства и самоуправления, чтобы доставляемые ими выгоды и получаемые от них барыши распределялись справедливым образом на массу населения.

Высказать эту мысль несколько лет тому назад было довольно рискованно, -- сейчас раздалась бы ожесточенные крики: социализм, коммунизм, нигилизм!... Но теперь времена изменились, и пишущему эти строки можно сослаться на спасительный для каждого русского в этом случае и высокой авторитет князя Бисмарка.

Странно, повторяем, что заимствование действительно буржуазных, действительно не соответствующих русскому народному духу экономических учреждений Запада встречает менее горячий отпор со стороны яиц, считающих себя наиболее совершенными выразителями нашей самобытности, чем заимствования в других отношениях. Этого мало: из другого лагеря против заимствования первого рода также слышится мало возражений, за то много говорится и пишется о необходимости *исторической постепенности*. Нам кажется, что ходячие представления об этой постепенности отличаются туманностью и даже ошибочностью.

Недавно одна из лучших провинциальных газет, *Южный Край*, выступила против газета *Земство* в защиту исторической постепенности. Ссылками на Англию доказывается, что ни одного дела нельзя, будто бы, сделать сразу, а что необходима работа по частям и сначала в несовершенной форме, затем в форме получше и, наконец, в той, которая уже и теперь признается действительно хорошою. Мы кадим в такого рода взгляде весьма вредную путаницу понятий. Во всех странах, живших долгою и славною историческою жизнью, учреждения и нравы подвергались то медленным, то более или менее быстрым изменениям. В огромном большинстве случаев прочные улучшения в общественном быте достигались только первым путем. Так шло государственное развитие в Великобритании. Но дело в том, что там боролись партии, там схватывались приблизительно одинаковые силы и вынуждали друг друга к определенным уступкам, в медленному разграничению прав. Когда зарождалась в народе известная потребность, то она не удовлетворялась немедленно - не в силу исторической постепенности, а в силу решительного сопротивления с той или другой стороны, со стороны или королевской власти, или аристократии. Таким образом можно спорить лишь о том, действительно ли сильна и благотворна данная потребность; но отказывать ей в полном удовлетворении, ссылаясь на историческую постепенность, вполне неосновательно. Возьмем, например, нации действительно прекрасные Судебные Уставы 1864 года. Они были введены сразу, сразу заменили старые судебные порядки, где не было ни присяжных, ни гласности, ни независимости судебного приговора. 19-е февраля 1861 года может служить еще более великим примером. Многие предлагали и мужика из крепостной зависимости освободить постепенно... Из всех заимствований самым опасным, самым неразумным следует, по

нашему мненію, признати *заимствованіе постепенности* въ смыслѣ преднамереннаго и произвольнаго задержанія.

На основаніи этихъ соображеній, мы считаемъ болѣе правильною ту постановку вопроса, которую делаетъ газета *Русь*. По поводу того же совещанія сведущихъ людей, которое вызвало разногласіе между *Земствомъ* и *Южнымъ Краемъ*, въ No 47 *Руси* мы читаемъ следующее:

"Что приглашеніе сведущихъ земскихъ людей *не по назначенію* отъ правительства, а *по выбору* самихъ местныхъ представительныхъ учреждений, т. е. городскихъ думъ и земскихъ собраний, болѣе согласно съ требованіями "теоріи" или "принципа представительства",-- это, конечно, не подлежитъ и спору; но еще вопросъ, вполне ли въ *настоящее* время эти требованія теоріи и отвлеченнаго принципа соответствуютъ у насъ условіямъ практики и действительнымъ требованіямъ жизни. Наши земства представляютъ слишкомъ мало внутренняго единства и солидарности между своими членами,-- это не "партіи", но и не органы цельнаго, выработаннаго направленія".

По мненію *Руси*, следовательно, определенная потребность не составляетъ еще непобедимаго требованія жизни и ея удовлетвореніе, вследствие некоторыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, было бы нецелесообразно. Въ такомъ случаѣ съ газетой можно расходиться только въ оценке современнаго состоянія Россіи, и, какъ известно читателямъ *Русской ли*, мы действительно держимся инаго взгляда на тотъ путь, который скорѣе и лучше всего выведетъ насъ изъ- тяжелаго переходнаго состоянія, мучительнаго и для правительства, и для общества, и крайне вреднаго для народнаго благосостоянія.

Нельзя не согласиться съ *Русью*, что наши земскія учрежденія требуютъ некоторыхъ видоизмененій, окончательнаго проведенія до глубины народной жизни единаго, бесспорнаго, земскаго начала. Какъ известно, по этому поводу въ печати появилось много проектовъ, соображеній и разнообразныхъ сведеній. Земскія собранія и коммиссіи тоже деятельно принялись за подробную разработку вопроса о мелкой земской единице или бесспорной волости. По даннымъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, мы приходимъ къ заключенію, что эта земская работа въ последнее время стала ослабевать, и не трудно объяснить неизбежность такого явленія. Вопросъ объ уездномъ переустройствѣ снятъ съ очереди, а земскія управы и собранія - не академіи и не могутъ собирать и разрабатывать матеріалъ въ интересахъ чистой любознательности.

Кабаки и переселенія, для обсужденія которыхъ правительство пригласило въ Петербургъ несколькихъ выдающихся земскихъ деятелей, безспорно, имеютъ немаловажное значеніе въ нашей народной жизни. Но устраненіе совместнаго обсужденія и другихъ вопросовъ едва ли целесообразно, вследствие той связи всехъ общественныхъ явленій, о которой мы говоримъ почти въ каждомъ "внутреннемъ обозрѣніи", рискуя утомить вниманіе читателей. Что касается пьянства, то разсматривать его вне связи съ общими условіями народнаго быта положительно невозможно. Въ газетѣ *Земство* (No 43) помещена очень интересная, статья В. И. Орлова: "Къ вопросу о значеніи пьянства въ ряду неблагоприятныхъ условій крестьянскаго хозяйства".

Въ некоторыхъ органахъ печати, говоритъ почтенный исследователь, "вопросу о пьянствѣ стали придавать первенствующее значеніе; въ пьянствѣ видятъ главную и чуть ли не единственную причину всехъ народныхъ бедствій; пьянствомъ объясняется замечаемое разстройство крестьянскаго хозяйства; искорененіе пьянства признаютъ лучшимъ средствомъ излеченія народнаго организма отъ всехъ экономическихъ недуговъ. Есть основаніе предполагать, что и само правительство разделяетъ такой взглядъ, ставя на первую очередь решеніе вопроса о мерахъ къ уменьшенію пьянства и не приступая пока къ решенію другихъ важныхъ экономическихъ вопросовъ крестьянскаго быта".

По точнымъ сведеніямъ г. Орлова, которому знакомо каждое селеніе и почти каждый дворъ Московской губерніи, "въ ряду различныхъ неблагоприятныхъ условій пьянство занимаетъ далеко не первое место: лишь 9V" безхозяйныхъ семей явились результатомъ пьянства своихъ рабочихъ членовъ. Отсюда явствуетъ, что и меры, направленныя лишь къ сокращенію пьянства въ народѣ, далеко не могутъ имѣть того всеобъемлющаго хозяйственнаго

значенія, какое имъ приписывается многими". Никто, конечно, не отрицаетъ ни того, что пьянство есть ужасающее зло, ни того, что съ нимъ надо бороться. Только, во-первыхъ, борьбу эту невозможно вести одними ограничениями питейной торговли и, во-вторыхъ, нельзя предположить, что народное благосостояніе значительно подымется, если сократится, даже въ большихъ размерахъ, потребление водки. Въ No 46 газеты *Земство* помещена статья А. И. Кошелева "О мерахъ къ сокращенію пьянства". Эта статья заключаетъ въ себе, по нашему мненію, наиболее вескія соображенія и данныя изъ всехъ докладовъ, речей, заметокъ и статей, вызванныхъ питейнымъ вопросомъ. "Что пьянство у насъ,-- говорятъ г. Кошелевъ,-- сильно, очень сильно, безобразно сильно, въ этомъ нетъ никакого сомненія. Кто бывалъ за границую, даже въ бывшемъ царствѣ Польскомъ, тотъ не могъ не быть сраженнымъ темъ, что тамъ, при многочисленности местъ питейной продажи и при почти вдвое большемъ потребленіи водки, пьяныхъ или пьяницъ несравненно меньше, чѣмъ у насъ. Пьянство господствуетъ на Руси и губить нашъ народъ я далеко не со вчерашняго дня. Выпивается теперь у насъ, пожалуй, несколько более вина, чѣмъ то было двадцать, тридцать летъ тому назадъ, т. е. во время откуповъ, когда торговали водной въ 28--30%; но выпивается вина вовсе не больше, а скорее меньше, чѣмъ въ первые годы по введеніи акцизной системы, ибо народонаселеніе значительно усилилось, а потребляется вина почти столько же, сколько и прежде. Нашъ народъ пилъ и пьетъ безумно, но немного, и больше всего съ горя, по потребности, хотя въ винѣ обрести забвеніе действительнаго его положенія. Въ другихъ странахъ: въ Германіи, Швеціи, Даніи, даже въ бывшемъ царствѣ Польскомъ, до введенія тамъ вашей акцизной системы, потреблялось 40 градуснаго вина слишкомъ по два ведра на душу, у насъ же выливается его съ небольшимъ по одному ведру. Между темъ тамъ редко увидишь пьянаго, а у насъ, во время храмовыхъ праздниковъ, на свадьбахъ, на маслянице, на светлой неделе и на базарахъ - пьяные валяются всюду. Следовательно, не вина вшивается у насъ много, а безумно оно пьется". Кабаки у насъ вовсе не размножились, следовательно не въ ихъ числѣ заключается главное зло. Въ 1863 году ихъ было 172.197, а въ 1877 году 89.074. Количество ренсковыхъ погребовъ также уменьшилось,-- съ 17.647 оно упало на 12,656. Спирту (безводнаго) выкурено было въ 1863 году 25.001.567 в., а въ 1877 году - 124.293.403 в. Въ промежутокъ между этими годами цифра выкуренаго спирта подымалась до 29.912.840 в. (1872) и спускалась до 20.400.621 ведра (1866). Пьянство,-- справедливо говоритъ г. Кошелевъ,-- есть старое закоренелое зло на Русской землѣ. Этотъ недугъ завещанъ намъ преимущественно крепостнымъ правомъ, и только съ исчезновеніемъ его следовъ можетъ и онъ если не исчезнуть, то значительно сократиться я изъ *народнаго* недуга превратиться въ частный, личный порокъ. Принимать прямыя административныя и карательныя меры противъ пьянства - невозможно и изыскивать ихъ - безразсудно. "Всего надежнее и плодотворнее противодействовать пьянству въ крестьянствѣ" можно только улучшеніемъ его быта и поднятіемъ его въ умственномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи; а для этого самыми действительными мерами были бы: упорядоченіе крестьянскаго самоуправленія и придача ему самобытности, устраненіе, сколь возможно большее, вмешательства въ него полицейскихъ властей, облегченіе податныхъ и другихъ тягостей, улучшеніе и умноженіе народныхъ первоначальныхъ школъ, упорядоченіе духовной пастырской деятельности я некоторыя другія въ этомъ же родѣ меры".

Г. Кошелевъ признаетъ не бесполезному, временно, и некоторыя изъ техъ меръ, которыя выработаны петербургскимъ совещаніемъ земскихъ людей. Но, конечно, такія веры могутъ только смягчить (и то далеко не везде) ужасы пьянства.

Отметимъ въ статьѣ г. Кошелева одну фразу, которая, думается намъ, не совсемъ справедлива но отношенію къ нашему многострадальному народу. Возвращеніе людямъ человеческихъ правъ,-- говоритъ почтенный земскій деятель,-- мало подняло ихъ въ нравственномъ отношеніи". Г. Кошелевъ знаетъ, разумеется, какое сильное движеніе обнаружилось было въ крестьянствѣ въ пятидесятыхъ годахъ въ пользу сокращенія пьянства (объ этомъ движеніи напомнили недавно *Московскія Ведомости* въ одной изъ очень дельныхъ статей по питейному вопросу). Именно изъ глубины народныхъ массъ началось упорное, последовательное противодействіе раззорительному и развращающему пороку; именно почувствовавшій приближеніе человеческихъ правъ крестьянинъ вступилъ въ решительную борьбу и съ собственнымъ недугомъ, и съ недугомъ своихъ односельцевъ. Но противъ этого движенія возстала администрація. Следуетъ, наконецъ, вспомнить, что многіе раскольничьи толки строго воздерживаются не только отъ пьянства, но даже отъ употребленія вина вообще.

Правительство, предложивъ совещанію земскихъ людей на ряду съ вопросомъ о пьянстве вопросъ о переселеніяхъ, само признало такимъ образомъ необходимость меръ, прямо направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія. Необходимость расширенія крестьянскаго землевладенія, при помощи переселеній и при содействіи крестьянамъ въ покупке земли, продолжаетъ оставаться необходимостью. Поэтому съ чувствомъ искренней радости прочли мы извѣстіе о постановленіи полтавскаго земскаго собранія 5 октября текущаго года. Заимствуемъ изъ *Московская Телеграфъ* (№ 279) некоторыя подробности объ этомъ чрезвычайно важномъ постановленіи. Въ докладѣ комиссіи было сказано, что ни переселенія, ни развитіе крестьянскаго долгосрочнаго кредита не въ состояніи вывести сельское населеніе изъ его тяжелаго современнаго положенія. Первая мера встречается съ нерасположеніемъ крестьянъ оставлять место родины; передвиженіе, кроме того, сопровождается большими расходами и потерей времени. Долгосрочнымъ кредитомъ крестьяне могутъ пользоваться только въ техъ случаяхъ, когда они не дошли еще до бедственнаго состоянія. "Статистика послѣдняго двадцатилетія указываетъ, по землевладенію быстро переходитъ въ руки крестьянъ, но, вместе съ темъ, констатируется, что этотъ переходъ совершается въ руки отдельныхъ богатыхъ домохозяевъ а не целыхъ крестьянскихъ обществъ; въ среде массы крестьянства, напротивъ, развивается пауперизмъ. Нарожденіе этихъ отдельныхъ богатыхъ крестьянскихъ хозяйствъ вовлекаетъ массу въ кабалу имъ. Следовательно, вниманіе земства должно быть направлено на изысканіе меръ къ улучшенію быта техъ крестьянъ, которые обладаютъ землею въ недостаточныхъ размерахъ, при условіи обработай ея собственными силами. Къ такой категоріи сельскихъ обывателей должны быть причислены все те крестьяне, которые получили въ наделъ землю менее высшаго размера надела по Положенію 19-го февраля 1861 г. Въ Полтавской губ. высшій размеръ надела составляетъ, приблизительно, 8 десятинъ на каждаго домохозяина. Сведенія, доставленныя миргородской управой, и другія данныя, находящіяся въ распоряженіи комиссіи, удостоверяють, что положеніе крестьянъ, обладающихъ такимъ наделомъ, можетъ считаться, удовлетворительнымъ. Следовательно, забота "попечительства" должна быть направлена на улучшеніе благосостоянія слѣдующихъ лицъ: 1) техъ, которыя владеють одною усадебною оседлостью, не имея вовсе полеваго надела; 2) техъ, которыя, подучивъ даровой наделъ въ размере $\frac{1}{4}$ высшаго душеваго надела, отказались отъ пользованія остальною отведенною имъ землею; 3) техъ, которыя получили низшіе земельные наделы, и 4) техъ, которыя получили наделы, вообще недостигающіе размера высшихъ. Въ разрядъ нуждающихся въ помощи попечительства должны быть внесены не одни бывшіе помещичьи, но, вообще, все сельскіе обыватели, положеніе которыхъ заслуживаетъ участія: казаки, дворяне и другіе".

По статистической таблицѣ, г. Квитки, въ Полтавской губерніи изъ общаго числа 363.571 бывшихъ крепостныхъ крестьянъ (мужскаго пола) 251.941 душа имеютъ наделы не свыше двухъ, а 95.549 душъ - не свыше трехъ десятинъ на душу, обладая въ общей сложности 457.937 десят. "Изъ общаго числа казаковъ и государственныхъ крестьянъ 553.155 наличныхъ душъ 281.161 владеють наделомъ въ количестве 559.673 десятинъ. Въ общей сложности наделъ 628.665 душъ простирается до 1.018.610 десят., тогда какъ, по высшему размеру, определенному въ Положеніи 19-го февраля 1861 года, т. е. по $2\frac{3}{4}$ дес. на душу, имъ причиталось бы 1.728.829 дес., что и обнаруживаетъ недостатокъ 710.219 десят. При средней ценности десятины земли въ Полтавской губ. въ 100 руб., приобритеніе такого количества земли потребовало бы затраты до 70.000.000 руб. и вызвало бы сокращеніе на половину настоящаго крупнаго и средняго землевладенія, простирающагося до 1.500.000 дес. Комиссія не отрицаетъ пригодности долгосрочнаго кредита при покупке крестинами земель, который можетъ ссудить имъ отъ 50 до 60% земельной стоимости, но считаетъ нужнымъ изыскать сумму, недостающую крестьянамъ для приобритенія земли въ собственность. Одну часть этой суммы должны дать собственныя сбереженія крестьянъ, а другую часть обязано восполнять попечительство".

Комиссія вполне понимаетъ, что окончательно совладать съ громадною задачею обезпеченія народнаго благосостоянія можетъ только государство; темъ не менее, говорятся въ докладѣ, земство не можетъ оставаться равнодушнымъ въ нуждамъ населенія и, не ожидая того времени, ножа государственная власть возьметъ въ свои руки это дело, должно предпринять хотя некоторыя меры для содействія улучшенію быта сельскаго населенія. Комиссія полагаетъ, что "еслибы губернское земство ассигновало на это дело отъ 100 до 150.000 рублей безвозвратно, то надлежитъ тогда приступить къ выпуску облигацій на 1.500.000 руб., а сумма въ 150.000 руб. была бы достаточна для покрывтія % и погашенія долга;

это дало бы средства разомъ приступить къ приобретенію до 50.000 дес. Считая ценность приобретаемой десятины въ 100 руб., окажется, что путемъ долгосрочнаго займа, при потере на курсе до 10%, можно получить на покупку до 50 руб., за которые придется уплачивать ежегодно срочныхъ банковыхъ платежей по существующей нормѣ изъ 7 $\frac{1}{2}$ % - 4 руб. 50 коп., 20 руб. на десятину долженъ внести самъ покупатель,-- следовательно, земству пришлось бы ссудить изъ облигаціоннаго капитала до 30 рублей на десятину. При начете на эти 30 руб. 5% и 1% погашенія, будетъ причитаться къ уплате ежегодно еще 1 руб. 80 коп. Весь платежъ съ приобретаемой десятины составитъ 6 руб. 30 коп., а съ присоединеніемъ до 45 коп. повинностей - 6 руб. 75 коп. ежегодно. Такую ренту земля Полтавской губ. легко можетъ вынести даже въ неурожайный годъ. Следовательно, выпускъ облигацій не можетъ грозить земству потерями. Для большей осторожности коммиссія предлагаетъ на первый разъ ограничиться выпускомъ облигацій до цифры двухгодовой суммы губернскаго земскаго обложенія, въ каковомъ случае не потребуются и разрешенія правительства для выпуска облигацій. Попечительство обязано также принять на себя: розыскъ продающихся земель, выборъ мѣстъ для поселенія, разбитіе купленной земли и т. п. Чтобы попечительство могло действовать успешно, кроме членовъ губернской земской управы, изъ которыхъ оно будетъ состоять, следовало бы привлечь еще несколько лицъ, интересующихся настоящимъ деломъ. При уездныхъ управахъ могутъ быть открыты отделенія попечительства".

Изъ речей, произнесенныхъ на полтавскомъ земскомъ собраніи при обсужденіи этого проекта, особенно выдается речь кievскаго профессора Лучицкаго. Почтенный профессоръ, съ цифрами и историческими данными въ рукахъ, убедительно доказывалъ вредъ привлеченія крестьянской недвижимой собственности въ кругъ действий коммерческаго кредита. Г. Лучицкій думаетъ, что должно содействовать покупке земель только крестьянскимъ обществамъ, безъ права перехода этихъ земель изъ разряда общественныхъ въ личную собственность. Гласный имеетъ при этомъ въ виду не общинное землевладеніе, а ту форму владенія, которая существуетъ у крестьянъ Полтавской губерніи, вышедшихъ изъ крепостной зависимости.

После оживленныхъ преній, закончившихся энергическою речью г. Заленскаго, председателя полтавской губернской земской управы, въ защиту проекта коммиссіи, собраніе постановило: принять въ принципе проектъ земскаго попечительства о расширеніи крестьянскаго землевладенія, на основаніяхъ, предложенныхъ банковою коммиссіею, и, въ нанять императора Александра II, ходатайствовать о наименованіи; этого попечительства *Александровскимъ*. Такимъ образомъ либералы, люди школьной науки, die Literaten, победили, и, благодаря имъ, въ Полтавской губерніи могутъ навеки исчезнуть те порядки, носителями которыхъ являются различные Фишеры.

Въ числе другихъ заимствованій у Запада находятся, какъ известно, ссудо-сберегательныя товарищества. Починъ въ этомъ деле и настойчивое, заслуживающее глубокаго уваженія, стремленіе обезпечить правильный ходъ развитія товариществъ, заставитъ ихъ служить интересамъ народныхъ массъ, принадлежать также либераламъ, гг. Лугинину, Яковлеву, Хитрову, Кодюпанову, покойному князю Васильчикову и некоторымъ другимъ выдающимся людямъ. Несмотря на все усилія съ ихъ стороны, дело не везде принималось, не везде шло хорошо, данъ замечали уже мы въ одномъ изъ обозреній. Случалось, что ссудо-сберегательное товарищество попадало въ руки кулаковъ и оказывалось полезнымъ только для нихъ. Но такъ было не везде и, вопреки многимъ неблагоприятнымъ условіямъ, ссудо-сберегательныя товарищества продолжали развиваться. Намъ доставленъ *шестой отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ*, изданный подъ редакціей В. Н. Хитрово, секретаря петербургскаго отделенія комитета. Первое ссудосберегательное товарищество въ Россіи было открыто въ селе Дороватове, Ветлужскаго уезда, Костромской губерніи, въ 1866 году. Только черезъ два года на это товарищество было обращено вниманіе общества г. Колюпановымъ, который напечаталъ статью въ *Москве*, издававшейся И. С. Аксаковымъ. Къ нынешнему году, но отчету комитета, число действующихъ товариществъ достигло 950, а число членовъ въ нихъ - 225.000. Общая сумма оборотовъ составляла:

въ 1877 году - 42.212.834 руб.

" 1878" - 52.723.112 "

Съ 1 сѣнтября истекающаго года началъ выходить *Листокъ С. -Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.*

Энергическая, въ высокой степени почтенная деятельность *Отдѣленія* получила въ 1876 году, на международной выставкѣ въ Брюсселе, почетное отличіе отъ жюри выставки: первую награду - большую серебряную вызолоченную медаль - ея содействіе къ учрежденію въ теченіе 4 летъ болѣе 500 товариществъ. Такая энергія, выдающаяся и въ западно-европейскихъ государствахъ, особенно отрадна у насъ, при той умственной и нравственной спячкѣ, благодаря которой такъ медленно развиваются лучшія начинанія лучшихъ людей.

Конечно, и товарищества, отдѣльно взятая, не въ состояніи принести значительной пользы кассѣ населенія; но имъ уже теперь принадлежитъ видное место въ ряду второстепенныхъ меръ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія, и еще большую важность приобретутъ они тогда, когда хоть несколько улучшатся общія условія нашего быта. Правительство, несмотря на все усилія, имевшія целью совращеніе государственныхъ расходовъ, не въ состояніи было обойтись въ истекающемъ году безъ крупнаго займа. Въ Высочайшемъ указѣ г. управляющему министерствомъ финансовъ сказано: "Для уплаты государственному банку, на основаніи Высочайшаго указа 1-го января 1881 года, 50-ти милліоновъ руб., въ счетъ долга государственнаго казначейства по позаимствованіямъ, сделаннымъ изъ банка во время последней войны, и для подкрѣпленія средствъ государственнаго казначейства, повелеваемъ вамъ, согласно представленію вашему, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣнному, произвести новый выпускъ государственныхъ 5V" банковыхъ билетовъ на нарицательный капиталъ 100.000.000 руб., наследующихъ основаніяхъ: 1) означенные билеты обращаются въ продажу порядкомъ, вами установленнымъ, и на условіяхъ, вами утвержденныхъ; 2) симъ билетамъ присваиваются все права и преимущества, принадлежащія, по силѣ Высочайше утвержденнаго 1-го сѣнтября 1851 г. Положенія, 5% банковымъ билетамъ 1-го выпуска, съ темъ, что погашеніе будетъ производиться въ теченіе 37-ми летъ, ежегодными тиражами, на определенныя суммы, богъ пріема отъ владельцевъ билетовъ заявленій о включеніи ихъ билетовъ въ ближайшій или болѣе отдаленный тиражъ; и 3) выпущенные билеты вносятся въ государственную долговую книгу съ темъ, чтобы государственная коммиссія погашенія долговъ производила государственному банку ежегодно, до окончательнаго погашенія всей нарицательной суммы выпущенныхъ билетовъ (100.000.000 рублей), платежи - по 5% интереса и по 1% погашенія въ годъ на нарицательный капиталъ".

Очевидно, что только крайняя необходимость могла заставить правительство прибегнуть къ заключенію новаго найма, а противъ необходимости не спорять. Потребуется напряженныя и совместныя усилія правительства и общества, чтобъ окончательно выяснитъ состояніе нашего государственнаго хозяйства и поставить его вполне удовлетворительно. Къ сожаленію, и самый способъ, которымъ на нынѣшній разъ задолжало министерство финансовъ, былъ далеко не безукоризненъ, такъ какъ львиная часть барыша перепала при этомъ въ руки банковъ и крупныхъ банкировъ. *Московскій Телеграфъ* заметилъ, что новый заемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о способѣ его заключенія, является, во всякомъ случаѣ, признакомъ неблагопріятнаго состоянія, въ которомъ находится ваше государственное хозяйство.

"Война съ Турціей за освобожденіе балканскихъ славянъ стоила намъ очень дорого. Плохіе урожаи последующихъ летъ ухудшили положеніе народнаго хозяйства и сказались чувствительною недоплатою податей въ государственное казначейство. При такихъ условіяхъ правительство приступило къ реформамъ въ финансовой системѣ и начало, въ концѣ прошлаго царствованія, отменю налога на соль. Вследствіе этой отмены, въ бюджетѣ долженъ былъ образоваться соответствующій дефицитъ, а неблагопріятныя условія, о которыхъ мы упомянули, увеличили этотъ дефицитъ до того, что потребовался стомилліонный заемъ. Между темъ у насъ существуетъ другой налогъ, давно уже требующій отмены, осужденный какъ западно-европейскою наукою, такъ и русскимъ земствомъ, которое одиннадцать летъ тому назадъ, по приглашенію высшаго правительства, обсуждало этотъ вопросъ. Мы говоримъ о подушной подати. Но прежде, чѣмъ отменить подушную подать, необходимо определять, какой

новый источник государственного дохода будет выдвинут на ее место, ибо сокращение государственных расходов на значительную сумму в ближайшем будущем ожидать невозможно. Таким образом неизбежно становится общая реформа нашего финансового управления; правительство, как известно, подготавливает сь этою целью обширный и разнообразный материал".

Не мало драгоценных данных собрано и по другим отраслям нашего управления; но преобразования, основанные на всех данных подобного рода, подготавливаются крайне медленно. Следует, кроме того, заметить, что по некоторым вопросам, например в церковном управлении, правительство изменяет, в более или менее значительной степени, основные начала управления в прошлое царствование. Замечается некоторая двойственность, некоторое колебание во взглядах нашей высшей администрации на отношение к расколу, к многочисленным верованиям, которые, как известно читателям *Русской Мысли* из исследований А. С. Пругавина, живут и крепнут в глубине русского народа. В последнее время в печать проникли слухи и о других предполагающихся, будто бы, изменениях в нашем государственном строе. На этот раз дело идет об ударе, который, по сообщению *Новостей*, заносится надъ судебно-мировыми учреждениями. Но, по нашему мнению, это известие не может иметь никакого серьезного основания. Незыблемость основных начал прошлого царствования торжественно признала главным залогом народного благосостояния и действительного, прочного величия государства. Переделки, поправки и дополнения в реакционном духе не должны касаться духа Судебных Уставов, составляющих вечную славу прошлого царствования, не должны парализовать тех великодушных и разумных принципов, которые составляют краеугольный камень этих Уставов. Без независимого, гласного суда, без несменяемости судей в общих судебных учреждениях, без присяжных заседателей и безвыборного, свободного начала в мировом петите - не будет смысла в Уставах 1864 года, будет загублена великое преобразование. Но, конечно, такая ломка невозможна,-- она означала бы сопротивление истории, временное торжество случайности, а призвание монархической власти, как говорят ее самые убежденные, самые разумные и наиболее преданные слуги, заключается именно в устранении возможности случайного торжества той или другой партии, того или другого лица.

Всякому образованному человеку, в особенности человеку, по выражению газеты Русь, школьной науки и - намъ думается - всякому доброму русскому желательно не стеснение независимости и компетенции суда, а их дальнейшее развитие. Ни для кого не тайна, что в обществе существует сильная и постоянно укрепляющаяся надежда, что проступки и преступления, совершенные путем печати, будут вестись исключительно судомъ. *Московский Телеграфъ* (№ 283) напоминает, что в прошлом году была учреждена комиссия для пересмотра законов о печати. В эту комиссию, говорит газета, также как теперь "по вопросам выкупному, питейному и переселенческому, были призываемы сведущие люди - представители некоторых органов печати. Были сказаны прекрасные речи, были выслушаны мнения. Большинство членов комиссии, как сообщалось тогда в газетах, высказалось за предоставление печати большого простора, за освобождение ее от административного надзора и за передачу проступков печати ведению суда. Затем дело затянулось. Наступил ужасный день 1-го марта - и все возбужденные до этого дня: вопросы должны были смолкнуть. Но эпоха ужаса миновала, гражданская государственная жизнь снова вступила в права свои. Что же случилось с комиссией по пересмотру законов о печати?" - спрашивает газета.

А влияние печати только тогда может быть вполне благотворно, когда она поставлена законом в независимое положение, когда злоупотребления свободой печатного слова сдерживаются и караются судебным приговором. Старая песня, конечно, но она, как известная старая история у Гейне, *bleibt immer neue*.

Газетою ли, книгою ли, рукописью ли, но читатель вечно будет стремиться удовлетворить непобедимо-растущей потребности знать и мыслить, чтобы судить и действовать. Не даром количество печатной бумаги, приходящееся на человека, составляет один из лучших признаков низкого или высокого уровня просвещения и благосостояния народа. Не даром, писатель (даровитый, конечно) становится во главе умственного и нравственного развития, подготавливает экономические преобразования и изменения в

государственномъ строе и имеетъ нередко большое вліяніе на судьбу своей родины, нежели целая фаланга государственныхъ людей. И, въ то время, какъ многіе государственные люди уже забываются, когда пени ихъ стали достояніемъ только очень подробныхъ учебниковъ исторіи, а добрыя дела, ни действительно совершенныя, незаметно вошли въ обновившійся общественный бытъ,-- въ это время, и долго спустя, вдохновенныя страницы поэта или мыслителя продолжаютъ волновать и руководить общество. Къ числу такихъ поэтовъ, безспорно, принадлежитъ Некрасовъ, воспоминаніемъ о которомъ я и закончу "внутреннее обозрѣніе".

13 сентября на могиле "печальника скорби народной" поставленъ памятникъ. Было произнесено несколько речей. Сообщаю слова, сказанныя г. Г. Градовскимъ:

"Въ декабрѣ 1877 года здѣсь хоронили брѣнные останки Некрасова. Теперь мы пришли не для похоронъ... Мы воскрешаемъ образъ поэта и оживляемъ въ себѣ то, что не можетъ и не должно умирать. Необходима еще "муза печали" на Руси. Горе намъ, если песнь о любви къ народу и о свободѣ не находитъ уже отзвука въ нашей душѣ! Въ тяжкихъ страданіяхъ умиралъ Некрасовъ; но муза его, более нежели когда-нибудь, была проникнута любовью и верою въ свой народъ. Голосъ нежно любимой матери чудился поэту-гражданину, бывшему уже на смертномъ одре.

"Усни, страдалецъ терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...

"И въ то время, действительно, можно было надеяться, что настанетъ, наконецъ, и для Россіи "свѣтъ" и "скроется тьма". Народъ, великодушно сражавшійся за свободу другихъ, ясно показывалъ, насколько ему самому драгоценна эта свобода.

"Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Мы пережили съ техъ поръ много горя и бѣдъ. Более нежели когда-нибудь приходится теперь спрашивать: "Кому на Руси жить хорошо?" Не верится, чтобы счастливы были и те, кто сдружился съ "музою доноса и лжи, сыска и лжи",-- нельзя основать счастья на несчастьи другихъ. Но тотъ же поэтъ указалъ и лучшее средство, какимъ мы можемъ избавиться отъ удручающихъ насъ воль:

"Сейте разумное, вечное, доброе
Сейте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

"Мертвое следуетъ оставить мертвымъ, но унесемъ отсюда съ собою то живое и вечное, что заповедалъ намъ поэтъ. Если мы действительно чтимъ эту могилу, то не станемъ, по крайней мерѣ, мешать,

"Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути!"

Не только не станокъ мешать, а будемъ звать на поклоненіе этой могилѣ, чтобъ у ней запастись глубокою верой, въ торжество любви и разума, когда вера эта подвергается суровымъ испытаніямъ, когда

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо верится въ силу добра!

В. Г.

"Русская Мысль", No 11, 1881